

Михаил Федорович.

ГЛАВА I.

Неужели правда, что первый Романов был действительно избран, что русские люди, что называется, по своей доброй воле, призвали на царский престол этого, не умеющего ни читать, ни писать, шестнадцатилетнего мальчика?

Человеку свойственно ошибаться, и если ошибки и отдельного человека сплошь и рядом бывают неприятны и тягостны по последствиям, — то ошибки целой толпы превращаются иной раз в трагедию. Избрать первого из Романовых было легко, но избавиться от них оказалось гораздо труднее.

По пословице, когда простак бросит камень в воду — десять умных не смогут его вытащить. Но разгадка вовсе не в том, что именно глупые люди подавали свой голос за избрание малолетнего Михаила. Обозначиваются, теряют свои главные, наиболее ценные особенности в толпе — не одни только глупые люди.

Велик Лев Толстой, — мудр Спиноза, прозорлив Дарвин. Но соберите в одну комнату 500 человек, каждый из которых совмещал бы в себе величие Толстого, прозорливость Дарвина и ум Спинозы, оторвите каждого из них от своего дела, изолируйте их от живой жизни — и сплошь и рядом пред вами окажется всего только буйная толпа, стадо баранов, случайно голосующих, не умеющих разобраться в самом простом вопросе, слепо идущих за тем или иным крикливым поводырем.

На земском соборе, который решил призвать на царство Михаила Романова, ни Дарвина ни Спинозы, ни Льва

Толстого пайти было нельзя. Здесь были хитрые, себе на уме бояре, успевшие много раз переменить личину, послужить и Василию Шуйскому, и королевичу польскому Владиславу, и самозванцу I-му, и самозванцу II-му, и королевичу шведскому Карлу-Филиппу. Временем „перелетов“ была та смутная эпоха.

Когда, после зампрения Москвы, выборные люди съехались для решения вопроса о престоле, они начали с трехдневного поста; чтобы этим способом подготовиться к решению дел государственных. Не поэтому ли и закончили они свое дело избранием на царство неграмотного мальчюка Михаила Романова? На голодный желудок такие ли еще мысли приходят в голову!

Шансов на избрание у Романовых было весьма мало. Не потому, впрочем, что сам Михаил с отцом и матерью успел присягнуть на царство польскому королевичу Владиславу; не потому, что отец Михаила, Филарет, был поставлен митрополитом обоим самозванцам сразу. Он получил сан митрополита от первого самозванца, а чин патриарха выслужил в подмосковном лагере тушинского вора (у самозванца второго). Предательство было обычным в то время, и эта измена сама по себе не отвращала от нового кандидата сердца боярских. Все были одинаково грешны.

Более того,—это многократное предательство, крепкая связь с самозванцами и присяга польскому королевичу пошла только на пользу удачливому кандидату. Эти—сами тушинские, сами самозванцам служили и польскому королевичу присягали. Эти за старые грехи не спросят!

Род Романовых, так называемый „Кошкин род“, вед свою родословную—почтительно доказывают казенные историки—от некоего, приехавшего в Москву при Иване Калите „из прусския земли“, Андрея Кобылы. Пятый сын Андрея Кобылы звался Федор Кошка. От него и родился родоначальник Романовых, Роман Юрьевич Захарьин.

Этот род, происшедший от Кобылы, через Кошку, и—смотря на редкое обилие чисто зоологических эпитетов, всеобщно именитым не считался. Хвастать, как говорится, было нечем. Даже и титула никакого кошкинский род не

выслужил. Среди именитых князей Шуйских, Вороти-
ских, Мстиславских, и др. — Романовы казались захудалыми,
и никакого сравнения с теми родами, какие вели свое про-
исхождение от Рюриковичей, выдержать не могли.

„Хотели выбрать не способнейшего, а удобнейшего
даря“, — говорит В. О. Ключевский. Никому, неведомый маль-
чик Романов показался удобен.

Не родись богат, не родись умен, а родись счастливым, —
рекомендует русская поговорка.

Единомыслия в процедуре избрания не оказалось ни
малейшего. День за днем обсуждали кандидатуры Голи-
цына, Мстиславского, Воротынского, Трубецкого и прочих и
прочих, но толку не было, а было лишь, по указанию лето-
писца, „большое волнение“.

Среди враждующих партий, из которых каждая мечтала
провести на престол своего кандидата, нашелся только
один человек, князь Ф. П. Мстиславский, который не только
не желал быть царем, но и всех, кто ему предлагал почет-
ный сан, „ругал пехорошими словами“ и даже грозил уйти
в монастырь, если его изберут в цари.

„Волнение“ было далеко не бескорыстное. Каждая из
партий подкупала своих избирателей, пила и кормила их
на свой счет, подкуживала горлапов. — Кто пить-есть за-
дарма хочет, — вались к боярину на широкий двор! Очень
много денег было истрачено, напр., на проведение одного
из наиболее видных кандидатов, князя Голицына, но резуль-
татов добиться не удалось. Пропали денежки без всякой
пользы. Сложное это дело практическая политика!

Когда в разгар боевых столкновений некий неведомый
„дворянин из Галича“ явился вдруг с заявлением о том,
что избрать надо Михаила Романова, — это выступление
безвестного галицкого проходимца вызвало бурное негодо-
вание. Закупленные и перекупленные голоса разбился.
„Знатнейшими из князей Рюриковичей были Шуйские, впе-
реди Воротынских, Курлятовых, Одоевских, — указывает
М. А. Ландау-Алданов, — против Рюриковичей выставлялись
Гедиминовичи, Голицыны и Хованские, потомки старшего
Гедиминова сына, Наримунда. Правнуки младшего Гедими-

нова сына, Ольгерда, со своей стороны подкапывались под старших родичей и высказывали крайне обидные суждения относительно супружеской чести Наримунда-Гедиминовича.

Была на соборе и партия польского королевича Владислава, и шведского королевича Карла-Филиппа, и сторонники Габсбургского дома.

Была на соборе партия даже и тушинского вора, во главе которой стояли бояре Вельяминовы и Плещеевы.

„И если сильно интриговал в свою пользу и „Кошкин род“ — бояре Романовы, то об этих выскочках на соборе сначала и слышать не хотели“, — констатирует М. Алданов.

Боярин Ф. И. Шереметьев в те дни пишет в Польшу князю Голицыну: „Миша - де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден“. И вправду, „не способнейшего, а удобнейшего царя“ пекали бояре.

И вот в первое воскресенье Великого поста, 21-го февраля 1618 года, когда бояре окончательно сочли удобнейшим для себя малолетнего, ни чем не выдававшегося Михаила (лицо чистое, нос и рот умеренный, особых примет не имеется), предельвается торжественная комедия „опроса народа“.

Неведомаж кучка людей ежится на морозе, попрыгивает с ноги на ногу, потирает отмороженные руки. Это — народ российский близ Лобного Места ждет церемонии утверждения выборов. Но успели еще духовные лица, вместе с боярами посланные на Красную площадь, произнести формулы вопроса, как подготовленные толпы дружно закричали:

— Согласны, согласны! Михаила!

Любопытно, что этот случайно, фуксом, прошедший избравник сразу же стал именовать себя „природным царем“. Не только бояре радостно ссылались на то, что отец Михаила, Федор, приходится - мол двоюродным братом царю Феодору Иоанновичу, а следовательно царь не только удобный, но и самый настоящий „законный“. Но и новый царь в манифесте своем торжественно называет себя, без малейших, правда, на то оснований, родным внуком Иоанна Грозного.

Сам царь в это конечно не верил и верить не мог. Некоторым извинением может послужить ему то обстоятельство, что и в народе тоже никто этому не верил.

Так или иначе, ошибка допущена, первый Романов избран. Свыше 300 лет будет терпеть Россия серьезные последствия этой роковой неосторожности. Длинной чередой пройдут на троне слабоумные и пидюты, типа царя Иоанна V или Петра III, буйные психопаты, как Павел I и Николай I, неведомые германские прачки, как Екатерина I, какие-то ангальт-цербтские девицы, как Екатерина II, курляндские проходимцы, как Бирон с Анной Иоанновной, и прочая и прочая и прочая.

Дорого обойдется русскому народу день 21-го февраля 1613 года. Не легко будет 27-го февраля 1917 года начинать исправлять то, что успели натворить 18 царей дома Романовых, за 300 лет с лишним!

Г Л А В А II.

Мы видели, что В. О. Ключевский объясняет избрание Михаила Романова тем, что нужно было отыскать „не способнейшего царя, а только удобнейшего“. Даже казенные историки, говоря о Михаиле, со вздохом признаются, что хвастать, собственно говоря, нечем. „Михаил был меланхолического нрава и не одарен блестящими способностями“, говорит, например, Н. И. Костомаров, пытаюсь доказать, что если писать Михаил не умел, то читать все же, хоть по складам, он, будто бы, научился.

Употребляет все усилия, чтобы отыскать радужные краски, и В. Д. Сиповский, но и он признает, что Михаил не только „был слишком молод“, но и вообще „особенной склонности к правлению не выказывал“.

— Михаил был человек слабо одаренный, — деликатно говорит С. П. Мельгунов.

„Миша Романов был глуп, а потому бояре и сговорились избрать его“, — непочтительно выражается Л. Шинко.

Нас, впрочем, интересует Михаил Федорович не только

сам по себе, а как родоначальник всего дома, династии Романовых.

Жизнь рода—это всегда интересно. Если бы удалось внимательно и вдумчиво проследить жизнь хотя бы и любого встречного в трамвае, изучить жизнь всей его семьи, его отца, деда и прадеда,—какая это была бы любопытная, поучительная задача!

К сожалению, только одна семья в России была изучена так внимательно и документально, как семья Романовых.

Это семья царская, и в этом есть, конечно, свои минусы. Обыкновенно жизнь семьи из рода в род гораздо разнообразнее. Отец кабатчик, сын помощник, внук чиновник и правнук авиатор—смена такого рода, конечно, гораздо любопытнее.

Здесь, в этой семье Романовых, внешнего разнообразия положений нет: все, от прадедов и до правнуков, делают одно и то же—царствуют, заняты одним и тем же ремеслом одною и той же профессиею—профессией самодержавцев.

Как далеко заходит при этом однообразии профессии различия психические?

Жизнь семьи Романовых за 300 лет глубоко поучительна и интересна раньше всего потому, что интересна и поучительна жизнь всякой семьи, рассмотренная за время в течение 300 лет. Сколько любопытных доказательств наследственности, какая яркая картина вырождения, сколько ярких и трагических моментов возникает и оживает пред глазами исследователя!

Пред нами, раньше всего, не одна династия, а несколько. Это, конечно, не Романовы. Их давным-давно сменили на троне Гольштейн-Готорпы, затем Салтыковы. Но и в любой семье, прослеженной от поколения к поколению, в течение 300 лет, мы всего вероятнее увидели бы то же самое. 300 лет это ведь очень большой срок, и недаром же 18 монархов успели отечеству на пользу, родителям на утешение сменить друг друга за это время на троне Российском. Но здесь, в этой семье, наследственность проявлялась особенно резко, вырождение сказывалось здесь исключительно остро.

сам по себе, а как родоначальник всего дома, династии Романовых.

Жизнь рода—это всегда интересно. Если бы удалось внимательно и вдумчиво проследить жизнь хотя бы и любого встречного в трамвае, изучить жизнь всей его семьи, его отца, деда и прадеда,—какая это была бы любопытная, поучительная задача!

К сожалению, только одна семья в России была изучена так внимательно и документально, как семья Романовых.

Это семья царская, и в этом есть, конечно, свои минусы. Обыкновенно жизнь семьи из рода в род гораздо разнообразнее. Отец кабатчик, сын помощник, внук чиновник и правнук авиатор—смена такого рода, конечно, гораздо любопытнее.

Здесь, в этой семье Романовых, внешнего разнообразия положений нет: все, от прадедов и до правнуков, делают одно и то же—царствуют, заняты одним и тем же ремеслом одною и той же профессией—профессией самодержавцев.

Как далеко заходят при этом однообразии профессий различия психические?

Жизнь семьи Романовых за 300 лет глубоко поучительна и интересна раньше всего потому, что интересна и поучительна жизнь всякой семьи, рассмотренная за время в течение 300 лет. Сколько любопытных доказательств наследственности, какая яркая картина вырождения, сколько ярких и трагических моментов возникает и оживает пред глазами исследователя!

Пред нами, раньше всего, не одна династия, а несколько. Это, конечно, не Романовы. Их давным-давно сменили на троне Гольштойл-Готторпы, затем Салтыковы. Но и в любой семье, прослеженной от поколения к поколению, в течение 300 лет, мы всего вероятнее увидели бы то же самое. 300 лет это ведь очень большой срок, и недаром же 18 монархов успели отечеству на пользу, родителям на утешение смонить друг друга за это время на троне Российском. Но здесь, в этой семье, наследственность проявлялась особенно резко, вырождение сказывалось здесь исключительно остро.

Если, изучая ряд поколений во всякой иной семье, мы встретили бы людей самых различных общественных положений, помещиков и ветеринаров, изобретателей и банковских бухгалтеров, акушеров и художников—то здесь, в этой семье, члены которой именовались Романовыми,— не только одна единственная профессия, царская, но еще и связанная с этим безмерно развращающая власть и ни чем не ограниченная возможность осуществлять все капризы, хотя бы и самые чудовищные. Эта основная черта из рода в род, как некое проклятие, тяготеет над членами этой вырождающейся семьи.

В большей, или меньшей мере, но у каждого из нас без исключения есть темные, подсознательные мысли и желания.

Мало ли чего не подскажет, чего не шепчет инстинкт дикаря, на секунду шевельнувшийся в душе.

Мы все не доводим до осуществления и даже до своего сознания все эти темные мысли и ощущения, оттого, что у нас у всех есть культурные навыки, завещанные нам целым рядом поколений, и еще оттого, что на свете существуют общеобязательные законы с их карательным аппаратом.

Для семьи Романовых эти законы с их карательным аппаратом не существовали, и от этого в этой семье, от поколения к поколению, не могли и создаться те культурные навыки, какие инстинктивно определяют для каждого из нас, что можно, а чего нельзя. Стоит вдуматься в это, чтоб понять, как безгранично далеко мог и должен был зайти процесс вырождения у Романовых.

Если все мы, огромное большинство из нас, не осуществляем своих грешных, темных и подсознательных мыслей, а именно всего потому, что мы не можем, не имеем возможности осуществлять их, то у Романовых эта возможность была! Она была неразлучна с ними в течение ряда поколений, в продолжение целых веков.

И поэтому, какие бы мрачные, какие бы трагические страницы была этой семье ни развертывала перед нами и официальная история и, еще более, неофициальные показания современников,—удивляться приходится все

во обилию преступлений и извращений. Напротив, удивляться приходится тому, что были в жизни дома Романовых хотя бы редкие моменты, не сплошь залитые кровью, но сплошь окрашенные в черный цвет преступлений.

Мы все знаем теперь, что такое толпа. Больше чем когда бы то ни было мы знаем, что люди — не ангелы, что вовсе не случайно создалась старая формула „человек человеку волк“. Возьмите какую угодно наиболее культурную страну, выберите любой, наиболее просвещенный город, и объявите во всеобщее сведение, что какие бы то ни было прощения и кары отменяются, что нет и не будет больше ни городских и милиционеров, ни шудманов и аманов, ни жандармов и госполитуправления, и посмотрите, что делается в течение нескольких дней с этим городом, с этой страной. До чего изумительно озвереют, до чего переродятся все люди от мала до велика!

Пока жизнь налажена и течет по рельсам, как мало заметно вмешательство властей, как спокойно стоит на углу представитель власти в полицейской форме, этот живой символ карательной власти государства. Но стоит убрать его с его места, как только его отсутствию проникло в сознание масс, — все переродится. Как легко и просто будут перегрызать друг другу горло огромное большинство этих культурных и приветливых, ныне улыбающихся друг другу сограждан. Нет полиции? Нет кары и ее угроз? Стоит ли тогда работать, уважать права ближнего, и держаться налаженных устоев общественной жизни? А не христнуть ли по уху этого толстого человека в котелке? Что, если отобрать у него золотые часы, а кетати и бумажник? Не овладеть бы стащить с рук этой старой женщины ее золотые кольца и вырвать у нее с мясом бриллиантовые серьги. Пригодится! Хотя-бы для этой вот, молоденькой, испуганно сторонящейся девочки. Не любишь? Небось, полюбишь.

Именно эта вот возможность невозбранно и безнаказанно осуществлять все, самые дикие, самые звериные желания была в точные цолых веков у семьи Романовых. Именно это совершенное сознание безнаказанности, полная и абсолютная уверенность в отсутствии какой бы то ни было

кары, каких бы то ни было запретов и ограничений, было характерно для всех поколений этой несчастной, обреченной труппы, семьи. Более того: они имели вокруг себя толпы людей, восторженно аплодирующих любому их поступку, любому жесту и слову. И кроме того у них и у самих было с детства воспитанное уродливое внутреннее сознание того, что они „избранники божьи“, что их желанными и востриками движет сам бог, помазавший их на царство. И были вокруг жадные толпы льстецов, придворных, и были темные низы, миллионы людей, оглушительно ревели „ура“ и плакавших подлинными слезами умиления при виде „цари-батюшки“, „обожаемого монарха“, как бы глуп, хамоват и звероподобен ни был сам по себе данный экземпляр романовской семьи.

Чем больше вдумываешься в ту изумительную моральную и правовую позицию, какую свыше 3-х столетий занимала романовская семья, тем меньше удивляет обилие дегенератов, сумасшедших, развратников и убийц в этой семье! Могло ли быть иначе? Неужели могли быть и были в семье Романовых такие страшные исключения, которые не были ни сумасшедшими, ни развратниками, ни кровосмесителями, ни убийцами?

ГЛАВА III.

Итак, Михаил Федорович Романов объявляется царем всей России.

Сам Михаил, правда, еще только что со всей Москвой присягал было королевичу Владиславу польскому. Отец Михаила, Филарет, ездил даже послом звать этого польского королевича на царство русское, бить ему челом землей русской. Новгородцы в это время, с своей стороны, тоже успели присягнуть королевичу шведскому, Карлу-Филиппу.

Князь Пожарский успел сговориться с императором австрийским о присылке на московский престол „цезарьского брата“ Максимилиана. Император прислал даже Пожарскому „похвальное слово“ по этому поводу, но к тому времени, когда императорский посланник прибыл в Москву с грамотой к боярам, в Москве уже был объявлен царем

Михаил, и царь отправил послов в Австрию с ответом о том, что „Мы этого не слышали и в мыслях не имели. Если же ваш посланник со слов князя Пожарского об этом вашему государю писал, то, может, посланник или переводчик сам это выдумали, чтобы выманить жалование у своего государя“.

Эта переписка сильно испортила отношения русского двора с западными, тем более, что наладить отношения в это время было невозможно, по свидетельству Н. П. Костомарова, „по причине неумения русских послов вести себя прилично“.

Если Михаил Пожарский мечтал о Габсбургах, то другой народный герой и патриот того времени, М. В. Скопин-Шуйский, все надежды свои возлагал, именно, на Швецию, долго добивался и таки добился шведской „интервенции“ в борьбе против тушинского самозванца.

Странные были представления о патриотизме в те дни.

Но, как ни велика путаница, дело сделано. Торжественная депутация отправляется в Кострому звать на царство новоявленного венценосца.

Если вас приглашают царствовать, зовут на трон,—вы, если вы человек воспитанный, должны подумать и сначала, для виду, отказаться.

Иначе неловко.—Ишь, скажут, обрадовался. Не успели позвать, а он уж на трон скачет.

В наши дни эта добрая старая традиция, надо признаться, несколько поколеблена. Вовсе не собираются, как-будто, даже и для вида отказываться ни великий князь Николай Николаевич, ни отысканный рейхенгальскими зубрами Дмитрий Павлович. А великий князь Кирилл Владимирович, тот самый, что в первые дни революции с красным флагом поселился под крылышко М. В. Родзинки в Таврическом дворце, не желает дожидаться даже и видности приглашения. Он сам себя приглашает на престол, сам себя настойчиво убеждает занять пост блюстителя престола, и притворяется, что не замечает того, как недовольно одергивают его даже самые пылкие монархисты от Врагеля до белградского „Нового Времени“ включительно:

Но в старые времена, когда дело шло о воцарении первого Романова, традиции соблюдались свято. Хороший тон требовал, чтобы человек, которого зовут царствовать, хоть много отказывался.

Так, по старинке, родители невесты на выданье считали необходимым по началу не принимать указаний сватов. «Вы-мол, звероловы, красного зверя для нашего охотничка разыскиваем. Не у вас ли схоронился?» — спрашивали у них сваты.

— Нет, у нас не бывало этакое, — с хитринкой отвечали родители. Не отвечать же в самом деле с первого же слова: «Ах, это вы насчет невесты, что-ли?» — Как же как же, у нас!»

И в мешанской среде, и в купеческой — там и до наших дней сохранились такого же рода требования приличий. Если чашка чаю выпита, приличье требует чашку перевернуть, а огрызок сахару сверху положить и от второй чашки отказываться.

«Еще чашечку выкушаете?» — Только неуч, необразованный, может без длительных уговоров ляпнуть: — С удовольствием — мол, и вторую, и третью выкушаю. Вежливый человек — тот раньше отказывается, сколько полагается, а потом уж и выпьет.

Так именно отказывался в свое время от царства Борис Годунов («Борис еще поморщится немного, что пьяница предчуждою вива»). Так отказывался систематически пугавший этими отказами растерянных бояр Иоанн Грозный.

Удивляться ли, что отказываться стал по началу и избранный на царство малолетний Михаил, первый царь из Дома Романовых? Когда лягушки в басне выбрали, в качестве царя, питавшегося лягушками аиста, — тот, надо думать, тоже, по началу, счел нужным возматься. Результаты те же самые, а приличье соблюдено. Даже еще приятное выходит!

Тщетно стараясь объяснить и оправдать призвание на царство Михаила, официальные историки указывают, что в пользу Романовых выдвигалось, будто бы, то соображение, что их, Романовых, прежний царь гнал и преследовал долгие годы. Значит — хороши!

На много веков сохранилась и уцелела в Земле Русской эта странная примета. Полностью сохранилась она еще и до дней февральской революции 1917 года. И тогда судили так же: в тюрьме долго сидел, каторгу перенес, в ссылке побывал, значит, человек хороший. Честный!

В наши дни, в лето от Р. Х. 1922-ое монархический сборник, изданный в Берлине при ближайшем участии бывшего донского атамана ген. П. П. Краснова и бывшего писателя Ивана Иакинвина, с грустью констатирует, что, так как Романовы в народе непопулярны, то на престол русский в настоящее время придется избрать представителя какой-либо другой фамилии. — Не смущайтесь обывающими толками: — Как же так, из своих знакомых выбирать нери? — Это соображение не помешало ведь избрать Михаила Романова в лето от Р. Х. 1613-ое, — проповедают нынешние рыцари престола.

Правильно рассуждают монархисты. Пусть простой знакомый, да за то царь. Гораздо приятнее, если царь — знакомый. Это даже удобно, если приятель хорошо устроится, выгодное место получит. Лучше же у него малую толпу займы „до среды“ перехватить, чем ждать, что он сам, чего доброго, „в дозг до среды“ попросит.

В 1613 году это соображение „что, мол, за царь, если он из знакомых“ и, правда, никого не остановило: „Тебе убо, превеликий государь, но по человеческому единомыслию, ниже по человеческому уголью предизбра, но по праведному суду божню сие царское избрание на тебе, великом государе, возложи — заявили Михаилу посланцы звать его на царство: — Но мы сей подвиг сотворихом, но Пречистая Богородица с великими чудотворцы возлюби тебе“.

„Человеческого единомыслия“ наивно не было, но депутация с рязанским архиепископом Феодоритом, келарем Авраамием Палицыным и боярином Шереметьевым во главе, — в срочном порядке отправилась в Кострому в Ипатьевский монастырь, где жила тогда 16-ти летняя Михаил со своей матерью, инокиней Марфой.

Крайне любопытно, что переговоры с депутацией вел не вновь явленный царь всея России, а мать его, „благо-

честивая инокиня Марфа". Михаилу было тогда 16 лет. В те времена, как известно, не было тех уродливых обычаев, в силу каких, при Николае II, напр., юношу чуть ли не до 20 лет держали в гимназии, чуть не до 30 лет заставляли „готовиться к жизни“ в университете. 16 лет в те времена считались возрастом отнюдь не ребяческим. Этот возраст был признан вполне достаточным для признания юноши полновластным царем всея России.

Но, во время приема депутации,—это характерно,—Михаил преимущественно „помакивает в тряпочку“ и держится в стороне. Переговоры ведет почему-то одна только мать Михаила, благочестивая инокиня Марфа. Ведет она себя совсем так, как вдовствующая Мария Федоровна в первые годы после воцарения Николая II.—Дело в том, что решит мать, а вовсе не сын. Его дело маленькое!

Единственное, чем отозвался во время этой шестичасовой церемонии сам Михаил,—это заявлением, что он „вовсе даже и не помышляет быть государем“, каковое заявление, по свидетельству летописцев, было сделано „с великим гневом и плачем“.

Процедура отказа от приглашения была соблюдена свято. Марфа категорически отказывалась отпустить сына на царство.

— И его ли, юного, отдам вам в цари?—заявила „пекущаяся о многом“ Марфа:

— Люди русские, вспомните прошедшее: по грехам вашим все вы измалодушествовались и кому вы прямо служили, отдавая души свои под клятвою? Не вы ли клялись быть верными сыну Бориса (Годунова), а передались вору, расстриге, убийце детей Бориса (Лжедмитрию 1-му). Когда погублен был расстрига, не вы ли клялись царю Василию (Шуйскому), а поехали к тушинскому вору (Лжедмитрию II), предали вашего царя, отдали его врагам? И после сих прежних государям клятвопреступлений, позора, убийств, поругания, как сесть на царство, зная ваши измены, непостоянство, клятвопреступление?

Тягостная церемония уговоров и отказываний длилась, по показанию летописца, не более и не менее, как около

шести часов. Пропести столько времени „по ивиши, не свши“ было утомительно, тем более, что благочестивая Марфа обращала немалое внимание и на матерпальную сторону вопроса: „И что же такое ваше русское царство?—говорила она,—сокровища и села царские разграблены, разобраны изменниками, народ страждет, обеднел. Чем будет царь ваш жаловать служилых людей, обиходы полнить“?

„Слезное умоление на государство“ юного Михаила продолжалось „с третьего часа дня до девятого“,—торжественно вещает летописец.

Эти утомительные переговоры заставили экзальцированного Феодорита, после того как были подняты образа чудотворцев, а Марфа и Михаил по-прежнему „отрицались“, пропизнети речь в таком стиле, какой сделал бы честь самому А. Ф. Керенскому. — „Так вы не внемлете мольбам?—возгласил Феодорит: — Будь по вашему. Мы идем обратно и скажем Москве, что вы отвергли мольбы наши. Ведетвуй, Русская Земля! Пусть плачет народ! Пусть пастанет вновь междоусобие. Пусть враги придут и расхитят нас. На тебя, царь Михаил, на тебя, внокния благочестивая, падают отпныне бедствия отчизны. Ведетвуй, Русская Земля!“

„Голос Феодорита казался грозным голосом божьим“ — патетически повествует в рекомендованном и одобренном министерством народного просвещения учебнике русской истории К. В. Елпатьевский.

Удивляться этому тону не приходится. Даже такой историк, как В. О. Ключевский, говоря, напр., об императоре Александре III, дословно пишет: „Император Александр III покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном образе человечества... Только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее“!

Если так, таким тоном, говорил и писал В. О. Ключевский, то чему же удивляться в сфере беспредельной угодливости и рабского тона, какого держались все казенные историки от Карамзина, а в особенности специально созданные для казенных школ Иловайские.

Но этого рода историческим источникам шестичасовое увещание депутации 1-го Романова „являло собой зрелище унизительное“. Когда „как-будто, вдохновленный Богом“ Феодорит и Абрамий подняли образа московских чудотворцев и принесли иконы к тому месту, где стоял Михаил, а „духовенство с образами окружило их; послы, воины, народ поверглись на колени; сквозь растворенные двери храма видны были толпы, повергнувшиеся на землю и вопившие о пощаде, о согласии... Матери бросали на землю детей, и соединили клики свои с рыданиями старцов и младенцев“ (!).

Если бы это описание летописей попало в руки Николаю II Романову во время его пребывания в Екатеринбург, овччитываясь в трогательные словеса, воспевающие это унизительное зрелище—призвание Михаила, имел бы все основания вздохнуть о тщете всего земного, и с горькой усмешкой сказать караулившим его красноармейцам:

— Разво мы, Романовы, виноваты?

ГЛАВА IV.

Денежные дела нового царя отвратительны. Когда после забранна Михаила получил просьбу от бояр поскорее прибыть в Москву, ему пришлось ответить:

— Идем медленно, затем что подвод мало. Служилые люди худы, а идут пешки.

С валютой у родоначальника дома Романовых было не густо.

Та же черта отличала, впрочем, не только царя, но и его подданных. Когда Михаил потребовал, напр., чтобы для него приготовили Грановитую палату, и покои Ивана Грозного (вот что значит с детства привыкнуть к роскоши!) бояре отвечали, что „тех хором, что государь приказал, отстроить нельзя, да и нечем. Денег в казне нет“.

Но вот Михаил уже в Успенском соборе. Окольные приказывают народу „стоять с молчаньем, кротостью и вниманьем“, и Михаил торжественно возглашает: „Всичайте нас на наши великие государства царским воццом“.

во царскому чину и достоянию". Духовные сановники, провозгласив „многолетие боговенчанному государю“, кланяются царю „ниже пояса“ и по выходе из собора по всей лестнице, по старому обычаю, осыпают его золотыми и серебряными монетами. Осыпать бумажками было бы, конечно, не только дешевле, но и удобнее. Но, за отсутствием ученых экономистов, до этого в те поры так и не додумались.

Царствование 1-го Романова как нельзя ярче доказывает, что профессия царя-самодержца вовсе не так трудна и тягостна, как это можно было предполагать. Воистину, „чтоб быть царем, кому ума не доставало!“ Проверять некому. Делай, что хочешь, все-таки казенные историки похвалят.

Летописи говорят, что встречавший царя народ „не мог от радости вымолвить слова“. Оно и естественно.

Эпоха была исключительно тяжелая. До чего дошла „запустение земли Русской“ видно из писаний современников о том, что по всей дороге от Новгорода до Москвы встречались одни только пустые деревни с избами, полными трунов и костей. По улицам городов и по деревням бродили волки и одичавшие собаки. По сведениям 1613 года, округ Калуги в уездах „не нашли ни крестьян, ни помещиков, и пашни поросли лесом“. „Ниспровергнуто было все благоенное земли Русской“, — говорит летописец: — „И было тогда такое лютое время, что люди и впереди спасения не чаяли“.

„Была на Русскую землю такая беда, какой не бывало с начала мира. Были глады, моры и зябели на великой плод земной. Велик был гнев Божий на людях“ — в эти годы лихолетия. „Звери пожирали живых людей и люди людей ели. Великое было пленение людям“.

Михаил Феодорович в первую очередь налег на сборы податей.

Обычай праздновать именины (и на Антона, и на Онуфрия!), который в наши дни оставался уделом только школьных надзирателей и в лучшем случае градоначальников, — в те времена являлся монополией царя. Поднос-

е царю подарков в день его ангела, тезоименитства том, утратилось в закон, — указывает Костомаров: „Все торговые люди необходимо должны были подносить царю дарки, которые отсылались на казенный двор и продавались. Нередко случалось, что купец покупал на казенном дворе ту самую вещь, которую когда-то подарил царю, и выносил ее государю в следующий раз.

Существовал, правда, обычай отдаривать присланных подарки, но на строгом соблюдении этого правила торговые люди, по вполне понятным причинам, не настаивали.

Служилые люди жаловались, что поместья их разорены, доходов никаких нет, и житьишко их желтенькое. Ноша была пуста. Созвали Земский Собор и удумали выдать грамоты по городам и богатым промышленникам. — Кто в Бога верует, гоните монету.

С горожан, купцов и промышленников долги годы брали огромные налоги, пятину, т. е., 20% с капитала и всего имущества. „Людишки“ не выдерживали. Многие собирали семьи и убегали в лесные места севера. Немецкие купцы также покидали свои торговли, и уезжали на родину, указывая на невыносимость казенных поборов.

Как рачительный хозяин, новый царь, пожаловав за патристизм князя Пожарского из стольников в бояре, а князя наградив поместьем и произведя в дворяне, пришел к переписи. Надо же было подсчитать, из чего состоит хозяйство: сколько бояр, сколько людей подлого дворянства и прочего имеется налицо. Одновременно удалось добыть кое-где денег взаймы: кое-что добыли и в дар от капиталистов Строгановых, из богатых монастырей. 7.000 рублей серебром прислал очень кетати, по просьбе Михаила, и дружественно настроенный шах персидский.

„Благочестивая инокиня“ Марфа, „отрицаясь“ за сына от престола, быть может, исполняя только требования хорошего тона, но объективно она была права. В те годы оказаться на русском престоле — это вовсе не значило делать хорошую карьеру. Воистину „печально было положение русской земли“. Города русские и области, от Москвы до любого села на окраинах, были в развалинах,

пуста была казна государственная и вне вард. области,
„впали и ничтожество“ внутренние области.

Смоленск был в это время в руках великов, и князь
внук Владислав, резонно ссылаясь на то, что Москва
только что избрала его и торжественно приветствовала, и
царство — шел походом на Москву. Новгородскою областю
владела шведы, обещавшие населению дать шведскую
девичку. Астрахань занимал Махно той эпохи, брат
Заруцкий с Мариной Мишешек. После того, как он
последовательно побывала женой Лжедмитрия I и Лже-
дмитрия II-го, она вошла во вкус царствования, и об-
явила царем своего сына, Ивана. Во Искоро появились
свой самозванец, завладевший всей областью. Банды коч-
ков, продолжая традиции смутного времени, выдвигали
одного, то другого атамана, — кто ни пош, тот и батька! —
и грабили и убивали мирных жителей, паводя ужас на
целые области.

Любопытно, что и по сие время хану крымскому пре-
должны посылать ежегодную дань, так-назыв. „де-
минки“.

Но еще хуже, чем внешне обстоятельства были, по-
словам летописцев, состояние умов. Люди „измалодуш-
ствовались“. Героями эпохи оставались перебежчики
„перелоты“, те самые, кто ради жалования по много раз
переходили от службы Иудейскому к самозванцу, и обратно.

Если первому Лжедмитрию еще верили, то в сие
званстве Лжедмитрия II никто уже и не сомневался.
Его так и звали „Тушинским вором“, но, несмотря на это,
этот „вор“, как и прочно, во множестве повлажившихся
в разных местах самозванцы, был популярен.

Даже северные и северо-восточные области, к-ры, по
считались наиболее спокойными и далекими от матушки,
посылая ратников в Москву, снабжали их наставлением не
спешить с присягой кому бы то ни было, так как „нельзя
угадать, кто одолеет“. А до нас далеко, — резонно уга-
дали они: „всегда успеет повинную послать, если нужно“.

— А до нас далеко! „Мы тамбовские, до нас до-
ле дойдет“, — говорили солдаты, — и не одни только

тири — еще и в дни Великой войны, перед революцией. Та же психика, те же мысли, те же слова. Не прошла даром народу школа Романовых.

Собор, избрав на царство Михаила, умудрился присягнуть не только самому царю, но еще сразу же „на всякий случай“ и его будущей царице, а также и будущим детям. „Если есть теща, так чтоб и теще“, — как говорит унтер-офицерская вдова Пошлапкина.

Избрав 16-летнего Михаила, бояре рассчитали правильно. В первые 5 лет, до возвращения из польского плена отца Михаила, царь был пешкой в руках тесно державшихся друг за друга бояр. Родня Романовых, Салты-Колы, Шереметьевы, Лыковы, Черкасские оттерли от престола важнейших бояр прежнего времени — Голицыных, Куряных и Воротылевских. Но свидетельству современников, своевольничавши в стране, захватившие в свои руки власть бояре не только не считались с царем, но даже „гнушались“ своим государем.

Уже через год после освобождения Москвы, Романовы „выдали головой“ Пожарского, которому были так многим обязаны, своему родичу Борису Салтыкову. Воистину, „за Богом молитва, за царем служба не пропадает“.

Есть сведения, что Михаила заставили согласиться на целый ряд условий, и даже будто бы перед его водарением взяли с него особую присяжную запись.

Манифесты и приказы, как и издаются в первые годы от имени царя, написаны тоном жалостным: — Самп, мол, меня на царство позвали, так теперь денег давайте, а с заботами и докуками ко мне не приставайте.

Царь обращается, напр., к земскому собору с таким завещанием: „Училились мы царем по вашему прошению, крест нам целовали вы своею волей, а теперь везде грабежи и убийства, разные неурядки, с которых нам докучают. Так вы эти докуки от нас отградите и все приведите в порядок“.

Топ, как мы видим, несколько неожиданный. Ежели неурядки уничтожать должны сами подданные, а царь никаких докук о том ведать не желает, так зачем же соб-

ственно этот царь пужен, и во имя чего просит он о выдаче ему денег?

Еще только что Михаил Федорович был простым заурядным мальчишкой, гонявшим собак и сражавшимся в бабки со своими сверстниками, но теперь он царь, он весь полон своим царским достоинством и принимает все меры, чтобы его не смешивали с обыкновенными людьми. Ему недостаточно той пышности и блеска, какими он импонирует своим верноподданым. Он хочет подчеркнуть, что, помимо наружных отличий, — в самой основе, в самом существе он не имеет ничего общего с обыкновенными людьми.

Дошедший до наших дней обычай христосоваться в то время, как известно был гораздо значительнее. „Русскию встречаясь между собой, целовались, и никто не мог отказываться от пасхального поцелуя“ — в один голос свидетельствуют летописцы. Но сам царь (быть может, не без основания считая, что для него закон не писан), ни с кем, кроме патриарха, не христосуется. Максимум милости, которую допускает Михаил в ответ на приветствие „Христос Воскресе“ — это разрешение поцеловать его царскую руку.

Вместо христосования с живыми людьми царь отправляется торжественной процессией христосоваться с предками в Архангельском и Вознесенском монастырях. Предки, в качестве усопших, приветствия услышать не могут. Это неважно. Никаких предков Михаила и в помине нет, ибо захудалый Кошкин род никогда доселе ни одного своего представителя в этих монастырях не хоронил. Но и это неважно. Важно, чтобы люди думали, что вот-де настоящий, природный царь, о настоящих царских предках разговаривает.

Исключительно интересный материал о жизни эпохи дают письменные памятники того времени. Уже князь Хворостин, умерший в 1625 году, отразил в сочинениях своих, отобранных у него при обыске, будущее недовольство новым царем. Князь Хворостин — один из своеобразных вольнодумцев того времени. В царском указе изложил

длинный список грехов его. Постов и христианского обычая он, оказывается, не хранил. Дворовым своим в церковь ходить запрещал. В Светлое Воскресение христосоваться с государем не пожелал.

Этот нераскаянный грешник, в отобранных у него при обыске сочинениях в прозе и стихах писал „многия укоризны“. Писал он, будто, в Москве „людей нет, все народ глухой; жить по с кем“. Писал он, что „в земле Русской сеют землю рожью, а живут все ложью“. Даже „титула государева“ ни за что не хотел писать, как следует. Дошел этот вольнодумец до того, что царя именовав не самодержцем всея России, а гораздо короче и проще — „деспотом русским“.

Очень любопытно, что по тем временам эти вот политические выступления были до такой степени внове, что никому не пришло даже на ум срубить ему голову или четвертовать, как ни легко и просто делалось это по тем временам и за пустяковые грехи. Палачи, описывает Штраус, не были в презрении. Это звание было выгодно, и торговые люди перебывали его друг у друга. Вольнодумного князя сослали только в монастырь, а потом даже вернули в Москву, вернули ему и дворянское достоинство, и доступ ко двору.

Будущие цари из дома Романовых окажутся гораздо смелее и последовательнее. Уже при Петре будет усовершенствован пыточный приказ, а потом на его место придет институт жандармерии, какой „съумест“ прочно наладить в ссылке, в тюрьмы, и казематы Шлиссельбурга, и застенки III отделения...

Важное дело требует не только способностей, но еще и практика.

Не палажена не только внутренняя, но и иностранная политика. В первую очередь приходилось отодолжаться от занимавшего Смоленск польского королевича Владислава, который очень бестактно напоминал о том, что дерзостно именующий себя новым царем Михаил, вместе со всей Москвой, еще недавно присягал ему, Владиславу, как великому государю московскому.

На дело войны с Польшей удалось добыть 20.000 рублей займы у английского короля Якова. Англия и в то время не жалела денег на поддержание распри и розни между народами.

На этот раз, впрочем, Англия ошиблась в расчет, 20.000 рубл., полученные от Англии на войну с Польшей, были потрачены на заключение перемирия и уплату контрибуции. Условия перемирия, установленные в 1617-м году, в деревне Деулине, близ Троицы, были исключительно невыгодны для России. Смоленская и Новгород-Северская область были Россией целиком уступлены. Владислав сохранил даже за собой права на московский престол и титул царя всей России. Впрочем, России вернули за то отца Михаила Федоровича, Филарета, ездившего в свое время приглашать Владислава на царство, да так и заставшего с тех пор в Польше в плену.

Через реку Поллиовку сделаны два моста: по одному идут русские из польского плена, по другому возвращаются из русского плена поляки. По русскому мосту переезжает отец государев, митрополит, в близком будущем патриарх Филарет.

Царь Михаил устраивает пышную встречу долгожданному папаше. Когда царь встретился с отцом, они полностью разыграли, впрочем, ту обычную процедуру боярских встреч, когда обе стороны, кланяясь друг другу в ноги, в то же время искоса подглядывают: а достаточно ли низко кланяется противная сторона? Земно кланяется митрополит царю. Земно кланяется царь митрополиту, в еще поклон, и еще. Умиляется простодушный народ московский. Гудят, трезвонят московские колокола.

Отец новоявленного царя Михаила, боярин Федор Никитич Ромаков-Юрьевский, в юности своей по характеру очень напоминал Стыву Облонского у Толстого. Это был общий любимец, любитель покушать, но дурак выпить. По этот веселый человек в свое время навлек на себя гнев Бориса Годунова и был насильственно пострывжен и, в качестве люка Филарета, сослан в дальний Антониев-Сийский монастырь; здесь он не выдержал и „сдал“. Приставлен-

ный к нему пристав Воейков в своих доносениях сообщает дословно горькие жалобы инок из бывших бояр. „Милые мои детки маленькие бедные остались: кому их кормить и поить? А жена моя бедная на удачу уже жила-ли?... Лицо на меня жена да дети: как их помянешь, ино што рогагиной в сердце толкнет“.

Впоследствии он приободрился, решил, что, если с умом, то и благочестие — товар вовсе не плохой, и стал энергично делать духовную карьеру. Получив от первого самозванца чин митрополита, от второго „тушинского вора“ — сан патриарха; он, как мы видели, отправился послом к королю Сигизмунду польскому, звать на русское царство его сына, королевича Владислава. Известие об избрании на престол Михаила, при всей приятности для отца такой карьеры сына, осложнило положение и сделало Филарета польским пленным. Впрочем, по возвращении из плена Филарет полностью наслаждался новым положением и властью.

При насильственном пострижении веселого Федора Никитича заодно, кстати, постригли в монахи и жену его, Ксению Ивановну. В отличие от жены Стивы Облонского, худенькой Долли, это была высокая, плотная женщина, которой очень пристало новое имя Марфы, полученное ею в качестве инокини. Впоследствии мы увидим, какая злобная старушонка выработалась из этой благочестивой инокини Марфы.

Поляки, как мы видели, все эти годы в своих грамотах не только не признавали Михаила царем, но еще и подлинным царем именовали только своего Владислава. Михаила и всех его подданных упорно именовали „изменниками законному государю“.

Царь в своих грамотах убеждает подданных не поддаваться на королевичеву прелесть. Получая грамоты от поляков, в которых Владислав постоянно именовал себя царем московским, бояре этот титул в грамотах „вымарывали дегтем“.

Когда поляки осадили Дорогобуж, русский воевода без боя сдал свой город Владиславу, как „царю московскому“. Так же точно без боя была сдана и Вязьма.

По первому договору, вопрос о правах королевича Владислава на московский престол предавался „на суд Божий“ и только после того, как, уступив польскому королю требуемые им города, русские заплатили 20 тысяч рублей за то, чтобы Владислав отказался от титула русского царя, — Михаил избавился от конкурента.

Николай II, как известно, отказался от этого титула без вознаграждения.

Почти так же бесславно, как с поляками, завершилась борьба и со шведским королем Густавом-Адольфом. Мирные переговоры со Швецией велись при непосредственном участии английского и голландского послов. Англия и Голландия очень ждали как можно скорее возобновить торговые сношения с Москвой, которым мешали непрерывные войны.

За свое посредничество эти честные маклера, естественно, добились крупных торговых выгод для своих купцов, но для России результаты мира со Швецией были совершенно ниими. Россия не только уплатила контрибуцию в 20.000 рублей серебром, — сумма по тем временам очень серьезная, — но, кроме того, как известно, уступил Швеции все побережье Финского залива и Карольску-область.

В своей речи к шведскому сейму Густав-Адольф, горливо указывая на огромные выгоды, какие Швеция получила от заключения этого мирного договора, заявил: „Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю. Без нашего позволения русские отныне не смогут выслать в Балтское море ни одной лодки“.

Поскольку дело касается будущего, Густав-Адольф, как мы знаем, не угадал. За будущее не может поручиться даже и сам Ллойд-Джордж. Но, по тому времени, шведский король оценивал выгодность своего договора с 1-м Романовым — увы! — совершенно верно.

Любопытна бытовая черточка: когда, после долгих осложнений, договор о мире был подписан, и должен был быть скреплен присягой, русским послам, которые обязаны были присутствовать при королевской присяге, дан был наказ: „Неприменно за то стоять накрепко, чтобы король поцело-

вал в крест, а не в блюдо, на котором крест лежит. И смотреть, чтобы этот крест был с расиятцем" На конференции в Генуе или в Лозанне креста вообще не делают, и такого рода требования явились бы, очевидно, излишними.

Во время обряда присяги один из русских послов обратился к канцлеру с просьбой запретить проповеднику говорить латинские слова, ибо они русским непонятны. А вдруг они на своем языке дурными словами ругаются!

Впрочем, молодому венценосцу было в то время не до иностранной политики. Очередной заботой Михаила стала женитьба. — Царь не царь, а жениться надо.

ГЛАВА V.

„Кухарка женится“ — называется чудесный рассказ Чехова, но и в этом рассказе много предвадебной суеты, суетолоки и осложнений.

Еще путаное обстоятельство, когда женится не кухарка, а венценосец.

По началу Михаил Феодорович возмечтал было жениться на какой-либо из иностранных принцесс, но ничего хорошего из этих горделивых мечтаний не получилось.

На Западе знали уже период возрождения в области наук и искусств. Там знали уже кипучую политическую жизнь, пробуждалось и росло чувство уважения к человеческой личности. Там знали уже утонченность и галантность конца 16-го и начала 17-го века, а Московская Русь в эти годы не успела еще приобщиться даже и к тем начаткам образованности, какие появились в эти годы в Клеве. Русь представлялась западу характерно-азиатской страной, огромной курной избой, где вповалку валяются толпы неграмотных мужиков и грязных баб.

Когда Михаил Феодорович послал пышное посольство к дочери шведского короля — посольство встретило резкий отказ. Послали еще одно посольство, на этот раз в Данию. Датский король, узнав, что дело идет о сватовстве к его дочери, категорически отказался даже и принять царских послов.

От мечты об иностранной принцессе пришлось отказаться. Решено было вернуться к доброму старому способу, примененному еще Иваном Васильевичем Грозным, после того как маркграф Бранденбургский ответил резким и унижающим образом на его сватовство. Обиженный жених приказал тогда со всех концов земли Русской свезти к нему в Москву самых красивых, самых здоровых и дородных девушек, числом 1.500.

К этому же способу обратился после отказа датского короля и Михаил Романов. В Кремль, откуда так недавно были изгнаны поляки, повезли со всех концов России молодых девушек, самых красивых, каких только удалось найти в боярских дворцах, мужицких хижанах и даже в монастырях. Придворные боярыни получили приказание внимательно и подробно осмотреть всех прибывших на этот своеобразный конкурс. По указаниям историков, предварительный осмотр производился „весьма строго“, тщательно и подробно и „от расследования не ускользали самые сокровенные части тела“.

Впрочем, как заботливо ни отнеслись к делу, но без крупных скандалов все же не обошлось. Избрать самую здоровую и дородную „жену, способную стать утехой господину своему“ — дело и вообще не легкое, а при дворе особенно. Какая густая сеть интриг, дозосов, взаимного подвешивания и всяческих хитростей, до отравления включительно, разыгрывается между боярскими родами, каждый из которых мечтает провести на трон представительницу своего рода.

Эти осложнения до такой степени вошли в нравы, что избранную, по обычаю, сразу же отделиют от всех, перевозят „наверх“, т. е. в теремные хоромы цариц, чтобы застраховать невесту от злоумышлений со стороны конкурирующих бояр.

Но и эти меры не помогают. Михаилу приглянулась более всех Марья, дочь дворянина Ивана Хлопова. Эту Марью немедленно по случаю царского выбора переименовали в Анастасию, (это имя считалось, очевидно, постыдным), и вывели ее „наверх“. Уже ей „дворовые люди крест цело-

вали", уже было велено оказывать ей почести, как царице, уже во всем московском государстве приказано было помянуть ее имя на ектениях.

Но бояре, недовольные возвышением неведомых Хлоповых, продолжают свои интриги. Больше всех замышляют могущественные Салтыковы. Они долго и упорно нашептывают матери государя, что невеста - де негодна. И характер - то у нее плохой, и здоровье непрочное.

Но Михаил успел влюбиться, разлучить его с нареченной невестой оказывается трудно. Тогда в кушанье невесты что-то подмешивают, у нее делаются постоянные рвоты. И вот уже родным невесты предъявлено суровое обвинение в государственном преступлении. Они, мол, осмелились скрывать неизлечимую болезнь невесты.

Правда, некий иностранец, доктор, по имени Валентин, объявляет, что у больной расстройство желудка, уверяет, что болезнь вполне излечима, что "плоду и чадородию от того порухи не бывает". Царскую невесту лечат: ей дают пить святую воду с мощей, и какую-то особую водку, настоенную на камне "безуй". Но Салтыковы не желают дожидаться результатов лечения. Они торопятся созвать особый собор из бояр для обсуждения дела. Уже вынесено постановление, что невеста государева, Марья Хлопова "к царской радости непрочна", а посему "жепою царя быть не может".

Михаил пробует было заступиться за невесту, которую он успел уже полюбить "вечной любовью еще с прошлой ватницы", но помочь делу он не умеет.

Мать Михаила, ехидная старушонка, "благочестивая впокиня Марфа", подученная Салтыковыми, торжественно заявляет, что ежели сын на этой невесте женится, со погы во дворце не будет.

Бесхарактерный, безвольный, туповатый Михаил испуган. О браке с понравившейся ему девушкой больше и речи нет.

Невесту, вместе со всеми родными, с бабкой, теткой, выгоняют из царского терема и высылают вместе с отцом, дядями и всеми прочими Хлоповыми в далекий Тобольск.

Царской невесте, только что еще жившей в пышной роскоши дворца, в Тобольске полагается выдавать скудное содержание в размере 10 денег (5 копеек) в день.

Вскоре после того как Филарет, отец Михаила, был отпущен полякам, дело об отравлении, о порче царской невесты раскрылось. Пропски Салтыковых выяснились, и тогда сами Салтыковы отправились в ссылку.

Прибодрившийся было в этот период Михаил пытается заявить свое желание жениться на прожигей невесте. Но Филарет честолюбив. Он все еще мечтает женить сына на польской или датской королеве. Только окончательно убедившись, что ни датчане, ни поляки этого не хотят и категорически отказываются от этой чести, Филарет решает махнуть рукой, и предоставить сыну жениться на ком ему угодно. Сосланный в 1616 году Мария Хлопова в 1622-м выписывается назад. Но ехидная старушонка, благочестивая инокиня Марфа, снова влутывается в дело. — Жива быть — не хочу — ежели не по моему будет. Одного часу не останусь. Бесхарактерный Михаил вторично отступает. В грамоте от ноября 1623 года торжественно объявляется Ивану Хлопову, что „великий государь дочь его взять в супруги по соизволнн“. Бедную Настасью снова переименовывают вторично в Марфу и приказывают ей жить безвыездно в Нижнем, а отца ссылают в его коломенскую вотчину. По некоторым источникам, даже Филарет укорял сына за малодушие, проявленное им в деле с Хлоповой!

Благочестивая инокиня не довольствуется однако тем, что разлучила своего царственного сына с той невестой, которая ему понравилась. Она требует, чтобы Михаил женился на выбранной ею невесте. Михаил и на это идет. В 1624 году Михаил женится по выбору своей матери, на княжне Марии Долгорукой. Михаил терпеть не может своей невесты и даже не скрывает этого. Инокиня Марфа торжествует полную победу.

Свадьба Михаила Феодоровича была отпразднована пышно. Ложь для новобрачных по древнему обычаю устраивалась на снопах, причем „от дурного глаза“ полагалось, чтобы число снопов было ровно 27. Сверх снопов укладывался

ковер, а на него перина. По справкам летописца, на свадьбе Михаила Феодоровича (гулять, так гулять!) было положено 7 перин одна на другую. Как взбирались молодые на этот своеобразный эшафот — летописец не сообщает.

По ритуалу, новобрачная должна была ждать царя в Гривовитой палате. Когда все было подготовлено к встрече, послали за венценосным мужем, призывая его особой формулой: „Государь, царь и великий князь всей России! Время тебе, государю, к своему делу идти“.

По обряду, один из гостей должен был во время свадьбы подойти к новобрачным, в вывороченном шерстью вверх тулупе, и показать невесте „столько детей, сколько шерстинок в тулупе“. Норма, очевидно, несколько преувеличенная.

Характерной чертой свадеб того времени надо признать обряд, по которому после обмена кольцами, отец невесты, выдавая свою дочь, ударял ее плетью и передавал дочь жениху вместе с плеткой.

Особые 20 человек детей боярских должны были наблюдать, чтобы никто не смел „перейти пути“ жениху и невесте.

В день свадьбы жениху и невесте есть не давали; только после того, как в ответ на особый запрос отведенные в свой покой молодые отвечали, что „все в добром здравьи“, им позволялось есть особую курицу, „обернутую в скатерть и загодя унесенную в сенник. На царских свадьбах государя кормили перед сошкой в сенях, а царицу в самом сеннике“.

Оставим в стороне щекотливые подробности о доказательствах целомудрия новобрачной, на каких подробно останавливаются летописцы. Торжественно завершается обряд „раскрывания“ царицы. Раздвинут покров, заслонивший молодую женоу от царя, и на этот момент все окружающие могут „иметь счастье увидеть ее светлые очи“. Кончен обряд, отведена в царские терема новобрачная — и отныне никто не имеет права видеть царицу.

Но интриги бояр продолжаются полным ходом. В сентябре 1624 года, 19-го числа, было совершено бракосочетание, а уже на другой день молодая царица оказалась больной:

„лихие люди испортили“. Кто были эти лихие люди, так и осталось неизвестным, но, прохворав около трех месяцев, молодая царница скончалась.

Дело приходится начинать с начала. В 1626 году снова приказано собрать в Москву на смотрим со всех концов России девиц „ростом, красотой и разумом непоколебимых“. На этот раз избраной оказалась некая Ендокимия Стрешнева. Отец характерно, что во избежание дальнейших интриг и попыток отравления, выбор этой жены цари, будущей матери престолонаследника, царя Алексея Михайловича, держится в тайне. Ее ввели в царский дворец и вароқан парадной в парубочнице всех традицій только за три дня до брака, чтобы предупредить таким способом придворные козни, погубившие прежних двух царских невест.

От этого брака родились три сына — скоропостижно умершие Иван и Василий и престолонаследник Михаил, Алексей, и три дочери. Любопытно, что и до самой смерти Михаила Федоровича не возжелала отказаться от давней своей мечты породниться с западными дворами и в особенности с Данией, где его сватовство кончилось так неудачно. Когда королевич датский Вольдемар неосторожно приехал в гости в Москву, Михаил Федорович настойчиво предложил ему жениться на своей старшей дочери Ирине. Вольдемар скромно, но твердо отказался от этой чести, деликатно указав, в качестве причины, на то, что он не желал бы менять своей религии и принимать православие.

Но сверх ожидания в этом вопросе бесхарактерный Михаил оказался настойчив и бесповоротно решителен. Пристал, как баганный лист, к датскому королевичу. Хотя ты что хочешь, а женись.

Бедный Вольдемар решил тогда в срочном порядке прервать свое пребывание в Москве, и экстренно собрался уезжать на родину. Это не помогло. Бедного Вольдемара насильно удержали в Москве и впредь до исправления посадили под арест. — Долго не выдержит. Подумается, подумается, а глядишь, — и женится. Должен же он понять, что об его же пользе заботится! Не кого-нибудь, а царскую дочь отдаст, а он, — поглядите, люди добрые! — еще упирается!

Портреты более поздние рисуют дородного мужчину с большой и тщательно расчесанной бородой. Если правда, что каждый человек по типу лица похож на какое-либо животное, Бисмарк — на кота, Александр III — на носорога, Николай II — на „трехпалую лапу“, то царь Михаил также всего походит на барана. Что-то очень ограниченное, безнадежно-спокойное, воистину баранье, есть в этом шаблонно-правильном лице.

Это, конечно, не мешает Михаилу очень ценить свое царское достоинство.

Когда, напр., в 1841 году некий подъячий в городе Кузнецке в бумаге о посылке мехов сделал какую-то незначительную опечатку в царском титуле, подъячего сурово высекли батогами и отослали в тюрьму, — знай край, не надай.

Чуть ли не самой яркой чертой характера царя Михаила является неумеренная любовь его к часам, которыми он загромождает все свои комнаты. Все свое время он уделяет возню с часами. Тут и стальные, и каминные, и даже самые редко — „зеленые“ карманные. Длинновика радует и тешит царя. Он неустанно заводит их, наслаждается их боем, любит кукушкой и др. ухищрениями. Оно, собственно, грех, да соблазнительно уж очень. — До чего додумались иноземные прелестники, а!

Эта манья Михаил — его любовь к часам — заполнила собой чуть не все интересы венецесца. Во время торжественных обедов возле него всегда ставили двое часов. От органичного мастера Мельхерта были выписаны два часовых дела мастера, которые обязались русских людей часовому мастерству научить.

Когда Мельхерт сделал часы с органом, из которых появлялись соловей и кукушка, Михаил растрогался чуть не до слез и подарил Мельхерту огромную по тому времени сумму, около трех тысяч рублей.

Характер Михаила, при всей простоватости его, лукавый, — мужик с хитрецей.

Когда, напр., воевода Шени под Смоленском был разбит на голову Владиславом, и русские войска, сдавшиеся на капиту-

туляцию, отдали все ружья, пушки и знамена, царь решил сделать Шеина козлом отпущения за позорные результаты войны. Шеин успешно доказывал, что вовсе не на нем лежит вина за поражение, но тогда ему поставили в вину, что он-де 15 лет тому назад целовал крест польскому королю. В этом же самом был повинен и сам царь Михаил, но это Шеина не спасло, и ему отрубили голову. Кстати уж отрубили голову и его товарищу - Измайлову, который обвинялся в том, что говорил „много воровских непригожих слов о царе и патриархе“.

Любопытная и очень характерная для всего царствования история разыгралась также и с вопросом о взятии Азова. Донские казаки, голытьба, кормившаяся набегами на турецкие владения по берегам Черного моря, „промышлявшая зипунов“ по тогдашнему выражению, взяла - было с вилета Азов. Когда султан осадил город, чтобы вернуть его, восточные казаки усмотрели в этом вопрос самолюбия и решили Азова ни за что не отдавать. — Подавишься, собака, а Азова не увидишь.

Отношения между Россией и Турцией имели характер кровяной ссоры. Крымские татары спокон века нападали на окраины Московии, и московский царь слал жалобы по этому поводу турецкому султану. Казаки, со своей стороны, также спокон веку нападали на турецкие побережья, и турецкий султан отсылал, и со своей стороны, одну жалобу в Москву за другой.

Когда на этот раз казаки решили отстоять Азов и умудрились отразить 24 прит, на двухсоттысячного турецкого войска, они послали гонцов к царю Михаилу с просьбой принять Азов под свою высокую руку. Без помощи от Москвы бороться далее с турецкими войсками казакам было не по силам!

„Гирко исты, да жалко покинуты“, — говорит хохлацкая поговорка.

Как ни хотелось Михаилу сохранить за собой Азов, но достигший уже 48-ми-летнего возраста царь взять решение этого вопроса на себя не рискнул. Был созван особый земский собор, где болре, „уоставя брады в зомлю“, стали

решать вопросы, принимать ли Азов, и ежели принимать, то где взять денег для войны с Турцией. Сословия, представленные на соборе, высказались по разному. Духовенство, не рискнувшее призвать в войска и необходимостью riskовать своей жизнью, заявило, что воснать надо и Азов необходимо удержать, но о деньгах на войну помалкивало. Дворяне и дети боярские, со своей стороны, полагали, что вопрос о деньгах можно решить легко, стоит только отобрать патриаршую казну, а также домовую казну у архиереев и в монастырях. При этом случае, дворяне и дети боярские не только просили принять меры, „чтобы государева казна без ведома не торилась“, но еще и жаловались на свою бедность, указывая, что вон-де „дьяки и подьячие от взяток обогатели. Накупили поместьев и вотчин, построили себе дома каменные, каких прежде и у боярородных людей не бывало“.

Купцы со своей стороны, как и полагается, жаловались на „разорение и тяготы от воевод, которые их немилостиво грабят“.

Хуже всех оказались бестактные ответы выборных от тяглых людей. Те, не скрывая, заявили, что они „оскудели и обнищали от великих податей, и от разных служб, что они ввали в ничтожество до того, что многие на слобод разбрелись розно и дворишки свои весьма покидали“.

Соотношение сил явно не благоприятствовало империялистической политике. Царь Михаил повздыхал, сколько волгалось, и, предав казаков, которых только-что еще благодарил и жаловал, отписал султану, что казаки—воры, взяли Азов самовольно, что он им никогда не помогал и вперед помогать вовсе не намерен.

Любопытно, что казаки успели перехватить царскую грамоту, в которой они названы ворами.

„Мы за таких воров никак не стоим, хотя их, воров, всех в один час вели перебить“, писал Михаил в грамоте султану. Еще только что перед этим, узнав о взятии Азова, царь успел послать казакам щедрое жалование, и в грамоте своей им писал: „Мы, великий государь вас, казаков, за эту вашу службу; промысел и крепкостоятельство милостиво

похваллем". Но конъюнктура уже переменялась и реальный политик, царь Михаил, не желает вспоминать вчерашних слов.

Турки, однако, не поворачали, резонно указывая на царское жалование, какое присылали из Москвы дощам и деньгами, и разными запасами.

Казачи, получив приказ от царя покинуть Азов, город покинули, но „на прощание“ решили не оставить от него камня на камне. Город разрушили до основания. Повеселилась казацкая душа! Много забот положит в будущем Петр на завоевание и восстановление этой крепости.

Впрочем, хитрость характерна не только для одного царя. Любопытно всмотреться в то, как седобородные, малограмотные и туповатые бояре обладали все же незаурядной хитростью и даже умудрились, напр., перехитрить англичан.

Когда английский посол Мерик, по просьбе царя, выступил посредником по заключению мира со Швецией, ему, в качестве „куртажа“, были обещаны великие льготы торговли для Англии. Но когда Джон Мерик, исполнив поручение, стал требовать обещанного разрешения вести товары в Китай и Индию по реке Оби, бояре заявили: „Сибирь далеко. До первых городов с пол-года езды. И то зимой. Сами туземцы не знают, откуда Обь-река и куда пошла. Страна та студеная, и по ней орды кочуют“.

Таким образом, английскому послу, как дважды два четыре, доказали, что ехать ему в заморские края совсем не к чему: „Про китайское же государство сказывают, что оно невеликое и небогатое. Добиваться к нему нечего. Государь наш из дружбы к вашему Лкову-королю сам велит проведать, откуда Обь река вышла, где китайское государство, а также, как оно богато и есть-ли чего добиваться? А теперь, не зная про то подлинно, как о том говорить“.

Так ничего, кроме этих советов и нудных разговоров и не дождался обманутый, обескураженный англичанин.

Проявил ли лжившийся на трон неграмотным царь Михаил хоть в дальнейшие годы какую-нибудь любознательность? Как оказывается, в 1623 году, по приказу царя, некий голландец Фавдергин представил какое-то исследо-

ваши об „алхимической мудрости и об иных делах“. Михаил очень интересовался, оказывается, именно, та соблазнительная наука, при помощи которой можно, будто бы, делать золото. Интерес его к этому делу был, очевидно, неслучаен. Через три года после первого доклада в 1626 году от того же голландца истребовали и еще одну докладную записку на ту же тему „о высшей алхимии“.

Был и еще случай, когда Михаил Феодорович затеял было пригласить к себе на службу иностранца Олеария, голштинского ученого, оказавшегося в Москве при проезде из Персии, — царь обратился к нему даже с особым посланием: „Ведомо нам учинилось, что ты горазд на ученостровольни, и географус, и небесного бегу, и землемерий, и иным многим подобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, такой мастер годен“. Олеарий протрез отказался. Но даже попытка такого рода показалась столь опасной, что в Москве поднялся бунт. Олеария считали колдуном, и разъяренные народные толпы, узнав о переговорах царя, употребили все старания, чтобы немедленно этого опасного колдуна утопить. Олеарий спасся и, благополучно уехав, написал книгу о правах и обычаях государства Московского.

Жуткое впечатление оставляют описания Олеария. Способи управления на Руси сводятся к людодерству.

По выражению Олеария, судьи „без меры драли и съобляли кожу с простого народа“. „Судьи никакими подарками не насыщались, а высасывали у тяжущихся мозги с костей до того, что обе стороны делались нищими“.

Бытовые черты жизни в описании иностранца выглядят не более утешительно:

Олеарий указывает, что „русские знанияй никакых не любят. Нельзя встретить во всей земле человека, который бы разумел по-латыни (именно, на латинском языке писались тогда, как известно, все научные книги).

Видших признаков богомольности очень много. В одном только Кремле Олеарий насчитал 52 церкви. Это было главной роскошью быта того времени, и не малую гордость простодушного царя представлял собой колокол на башне

Ивана Великаго. К огромному языку его были привешены два каната, а к каждому из них еще по 12 веревок, так что только соединенные усилия 24 человек могли раскатать эту массу и добиться звона на утеху государеву.

Но внешнее благочестие ни на поту не смягчает нравов.

Близкие к царю люди, говорит Костомаров, почти на глазах его ругались и дрались между собою и не смущались тем, что их били по щекам или батогами. Летописи тех дней сохранили целый ряд записей о том, напр., как боярина Леонтьева за жалобу на князя Гагарина думный дяк бил по щекам; о том, как другого боярина, Чихачева, за жалобу на князя Шаховского, бояре приговорили было кнутом висеть, но думный дяк Луговой и боярин Иван Пянтич Романов сами, собственноручно, тут же во дворце отколотили его палками.

ГЛАВА VII.

Очень характерной чертой эпохи является твердая уверенность московских людей, что все иноземцы представляют собой плешую расу.

При Михаиле Феодоровиче толпа требовала, напр., чтобы немедленно сожгли немца-живописца, у которого нашли череп, — рассказывает Олзарий.

Иностранные послы изумлены, напр., тем порядком, какой заведен во время их прлема царем. Возле трона, на котором в пышном облачении сидит Михаил, прилажец особый рукобойник, и висит золотенце. Давая целовать свою руку прибывшим иностранцам, царь, по церемониалу, после каждого поцелуя торжественно и серьезно мыл руку.

Мера, конечно, гигиеническая, но послы в простоте души полагали, что, вместо рукобойника для царя, было бы не плохо снабдить зубными щетками и самих прикладывавшихся к руке.

Обращение с послами — суровое.

Олзарий, напр., жалуется, что в те дни, какие он провел в Москве в качестве посла, его не только стесняли в праве

передвижения по городу, но и в пути конной не позволял ему даже здороваться за руку с его знакомыми из шведского посольства. Сразу же после прибытия голландских послов, к прибывшим приставили 12 часовых, „чтобы никто из них из дому не выходил, а равно и к ним никто не являлся“.

Продукты присылались им от царя. В день царского приема, напр., посольству прислали 8 овец, 30 кур, 22 сорта разных напитков и мн. др. Ежедневная порция, какая полагалась послам, в тот день, когда их „допускали к руке его царского величества“, выдавалась в двойном размере.

Пристава, назначенные к послам для представительства, являлись к ним в обыкновенном затрапезном платье, а парадное приносилось отдельно. Новые кафтаны и высокие шапки, отпущенные приставам на этот день из великокняжеской кладовой, несли за ними их слуги, так что царские пристава переодевались уже в комнате у послов и в их присутствии.

Шик того времени сводился к очень большому обилию одежды. Все, что было за душой, старались надевать на себя, даже за парадным столом царь Михаил Федорович восседает в мягкой шубе.

Костюмы и сам царь, и бояре старались заводить цветом поярче: красное, фиолетовое, зеленое. В довершение блеска мужчины носили еще и особые ожерелья, золотые цепи на шею, весом до двух фунтов, и даже серьги в ушах.

Об употреблении носового платка долгое время не было и вовсе известно, но и после того, когда, наконец, это западно-европейское новшество проникло в Россию, платки оставались украшением. Их хранили не в карманах, а почему-то в шапках, для украшения, и до пользования ими дошли еще очень нескоро. По указанию Костюмарова, „даже за столом не считалось неприличным высморкаться двумя пальцами, а потом обтереть руки о скатерть“. Впрочем, и остальные порядки за столом были на внешний взгляд не менее необычны. Не говоря уже о ножах и вилах или салфетках, даже тарелки (торелги) считались чрезмерной роскошью, были редкостью и, если подавались, то по

одной на несколько человек и во все продолжение обеда, хотя число блюд доходило до 200,—так и не переменались. Жидкие блюда подавались, к изумлению иностранцев, в больших мисах для нескольких человек каждая.

В динце ценили не столько качество, сколько, именно, количество продуктов. Еще „Домострой“ советует печь хлеба из той муки, которая уже подверглась затхлости. Тех же принципов держится и царь Михаил. В списках блюд наряду с лебедями, особаго рода „богатыми штиями“ (щи с курицей), куриными пунками и пр.,—почетное место занимает оригинальное кушанье, которое так и называлось „пох-молье“, — мелко нарезанные ломти холодной баранины, с рассолом, уксусом, перцем, солеными огурцами и т. д. Это блюдо считалось необходимым специально для похмелья.

Иностранцы горько жалуются, что блюда все без исключения неминуемо густо сдабриваются луком и чесноком. Чеснок и лук считаются до такой степени необходимыми, что неизменно на видном месте помещаются в списке кормов, которые обязаны были выдавать жители посылаемым для составления писцовых книг служилым людям. Без чего шло, а без чеснока и лука в повседневном обиходе не обойтись.

Если еще можно понять обычай надевать на себя как можно больше платьев, одно на другое („Пар-мол костей не ломит“. „Пускай люди позавидуют“), то гораздо труднее понять причину, по какой даже шапки носились сразу по несколько, при чем одна надевалась на другую. Во время парада, напр., боярин надевал маленькую шапочку, так называемую „тафью“, на нее остроконечную шапку, называемую „колпак“, и только сверх этого так-называемую „горлатную шапку“, огромную, величиной с ведро, которую имели право носить только самые знатные бояре. Как бы богат ни был, напр., посадский, он не смел надеть высокую „горлатную шапку“, и даже остроконечный головной убор, „колпак“, должен был быть не выше определенного для подлых людей размера.

Сам царь во время своих выходов так же одевал не менее двух шапок. Остроконечную, колпак, а наверх шапку. Не

отсюда ли пошло убеждение о том, что „тяжела ты, шапка Мономаха“?

При таком обилии шапок волосы считались излишней роскошью. Было принято стричь, еще чаще брить голову, и этого обычая крепко держались бояре. Только те, которые попадали в царскую немилость или постигли траур по кому-нибудь из близких, отпускали волосы на голове „в знак печали“.

Трудно понять, почему, дорожка сходством головы с биллардным шаром и стараясь под каждый праздник стричься наголо, все носили бороды, бороды берегли и даже холили, выписывали из-за границы дорого стоявшие гребешки из слоновой и моржовой кости. Флетчер указывает, что „борода считалась необходимой принадлежностью человека в России, и, если у кого от природы борода росла плохо, — к тому имели недоверие и считали его способным на всякое дурное дело“.

Если, как мы видели, даже мужчины носили серьги и золотые ожерелья, то количество украшений, какое надевали на себя знатные женщины того времени, воистину потрясающе! Драгоценные камни, золотые и серебряные украшения, сыпные жемчуга, количество всего этого было так огромно, что, напр., платье, которое надели после вступления во дворец на парчепную царской невестой, было так тяжело от камней, золотых вышиваний и жемчуга, что „резвы кожей подумались“: у невесты после того, как она его недолго поносила, заболели ноги.

Не довольствуясь обильными украшениями, русская женщина того времени, во имя хорошего тона, чрезвычайно обильно белелась и румянилась. Не только лицо, но и шея и руки — раскрашивались „белой, красной, голубой и коричневой красками“. По словам Оленина, эта раскраска до такой степени искажала даже природных красавиц, что казалось, — будто кто-то для шутки, на-смех, размалевал их. Этому требованию хорошего тона принуждены были подчиняться все без исключения, так что, когда при Михаиле Федоровиче, одна русская боярыня, красавица княгиня Черкасская, вздумала было отказаться от румян и белил, она вызвала всеобщее издевательство и „лютые насмешки“.

Главным признаком красоты являлась толстота и до-
рожность. Стройность стана считалась недостатком. Прини-
мались все меры, чтобы добиться тучности и мясистости.
Для этого изобретались особые мучнистые блюда, в огром-
ном количестве поглощалась особая водка, настоянная на
специальных „для дородности“ травах.

Особенно красивым считалось почему-то, чтобы уши
у женщины были продолговатыми и щеголихи тех дней выт-
ягивали их насильно.

Если мужчины в знак печали растили себе волосы, а
в обычное время наголо стриглись, то женщинам и доушки,
напротив того, в знак печали волосы стригли.

Для замужней женщины выставлять свои волосы на
показ считалось грехом и позором. „Простоволосая“, это
слово было оскорбительным для замужней женщины, обязан-
ной носить подбрусник, особую шапочку, вроде скуфьи,
под платком, убрूसом. Особым щегольством считалось уме-
нне стянуть под убрусником волосы так туго, чтобы не иметь
возможности глазом моргнуть.

Все эти правила хорошего тона соблюдались, впрочем,
только в праздники. В будни даже богатые люди ходили
в платьях поношенных, грязных и заплатаемых. Это счи-
талось неважным. Но в праздники надо было показать
себя. Отрешья сбрасывали, вытаскивали отцовские и дедов-
ские одежды и навешивали на себя, на жену и детей,
все, что собрано было не только ими самими, но еще и
отцами, дедами и бабками.

На время приезда в Москву чужеземных послов на
царской казне дьякам и придворным выдавались даже
дополнительные платья, — особые шитые золотом кафтаны.
Это выдавалось из казны на время, специально для того,
чтобы чужеземцы, увидав толпу людей, одетых в золото,
помнили, что Россия — страна сильная и богатая и живет
под царским скипетром в довольстве. После окончания
приема послов, бояре и дьяки обязаны были эту богатую
одежду немедленно сдать обратно по описи.

Главное развлечение эпохи — это бани.

„Мыльни“, русские бани являлись в те времена учрежденными казенными. Бани так и назывались „царскими мыльнями“, и плата, взимаемая за вход, являлась царским доходом.

В мыльню ходили обыкновенно после обеда. Очень дорожили тем, чтобы жар был нестерпимый, причем молись, приказав бить себя до изнеможения на полке, выбегали голыми на воздух и катались в снегу зимой, или впадали в воду летом; для этого бани строились на берегу реки или пруда.

В „царских мыльнях“ было два отделения: мужское и женское, но вход в то и другое был один, мужчины и женщины, встречаясь друг с другом нагишом, „разговаривали меж собой без особого замешательства“. Но задолго до этого времени мужчины и женщины еще „по старине“ мылись в одной мыльне и даже в монастырях черницы и черники парились вместе.

Баня была главным лекарством от всех болезней. Врачей, по тем временам, не полагалось. При Михаиле Федоровиче в Москве существовала только одна аптека. Лекарства отпускались только по особой челобитной, при чем правом выбора лекарств пользовались только самые знатные бояре. Остальным — отпускалось не то, что нужно, а то что дешевле стоило, независимо от того, могло ли оно принести пользу. Единственным настоящим лекарством оставалась баня. Водка с перцем и чесноком и горячая баня остаются надолго единственным и универсальным средством от всех болезней.

ГЛАВА VIII.

Можно влюбиться в изучение деталей быта эпохи и долго, почти бесконечно перебирать цветные стекляшки исторического калейдоскопа.

Но перед нами все еще первый Романов, а было их ведь немало. Время переходить к Романову № 2, к Алексею Михайловичу, время всмотреться, как меняется эпоха. Но-вельные итоги оставляет внимательное изучение того, как живет и работает родоначальник династии, Романов I.

Голландец Масса в своих записках о царствовании Михаила осторожно говорит, что, если царь русский и подобен солнцу, то солнце это настолько „покрыто облаками, что земля Московская не может получить ни теплоты, ни света. Приближенные царя ничего не понимают, к царю доступа никакого нет, а приближенные — алчные волки. Все, без различия, грабят и разоряют народ“.

Этот голландец Масса, с своей стороны, полагает, что русскому народу нужен не кто иной, как, именно, Иван Грозный. „Надеюсь, — пишет он: — что Бог откроет глаза царю, как прежде Ивану Васильевичу. Ибо такой царь нужен России, иначе она пропадет. Народ этот благоденствует только под дланью своего владыки и только в рабстве он богат и счастлив“.

Через много, много лет после этого те же мысли станут развиваться другой „знатный иностранец“. Бисмарк будет уверять, что русский народ — „женственный народ“, и что ему, как всякой русской бабе, нужен муж, который бы его поколачивал. — Что же и за любовь, ежели не бьет!

Эта популярная точка зрения на русский народ, как на народ, созданный для рабства, увы, существует и в наши дни, и, как ни грустно, разделяется и поныне не одними только знатыми иностранцами.

Каким образом и почему приобрел неограниченную власть этот, вонетину ничем не замечательный человек? У него не было мистических и мниющих простакам „прав рождения“: от царя - мол, от помазанника божия рожден, а поэтому и сам с первого же дня рождения царь, особа священная. Все знали Михаила до времени его воцарения. Все помнили, что сегодняшней царь — вчера был самым обыкновенным мальчишкой, гонявшим голубей, воровавшим яблоки в соседских садах и подбиравшимся к сенным девушкам и горничным.

Только вчера это был самый обыкновенный безусый мальчишка, ничем не отличавшийся от остальных сотоварищей и только случайно — повезло мальчику! — именно в его руки передан царский посох. Как, каким образом хоть на одну минуту поверили окружающие в какие-то особые,

исключительные „права“ этого мальчика над всеми нами, надо всей землей Русской?!

Поведенно бояр при Михаиле как нельзя ярче свидетельствует, что такова была и их позиция: не только он, Михаил Феодорович, случайно оказавшийся на престоле, тянулся к увеличению своей власти над Русской землей. Его излюбленные, бояре, мечтали о „твердой власти“, о том, чтобы скрутить в бараний рог, задушить всякое произволное живое жизни на Руси. — Тогда, мол, порядок будет.

Еще когда дворяне приглашали на престол польского короля Владислава, они взяли с него особую „записку“, договор, по которому Владислав обязался не давать польности холопам. Этих же принципов свято держался и Михаил.

Судебные порядки при царе Михаиле были немногосложны. Разбираться в деталях, считали излишним и чуть не за все преступления карали одинаково, казнили смертью. За кражи полагалось, впрочем, отрубание рук. Иначе обстояло дело с помещиками. За убийство чужого крестьянина помещик должен был отдать пострадавшему помещику лучшего крестьянина из своего поместья, убийство „своего“ крестьянина считалось делом семейным.

Разницы между уголовными делами и гражданскими вообще не существовало.

Уголовщина считалась всего только частной обидой, и дело об убийстве можно было легко кончить миром, заплатив за мировую родственнику убитого.

В царствование Михаила введена любопытная реформа в области взысканий долгов. До тех пор, неисправный кредитор отвечал только своей шкурой, рисковал лишь собой, каким подвергался на правеже. Отныне, в виду того, что многие, задолжавши, хотя и владели имениями, соглашались лучше подвергать себя правежу и позволяли себя бить, сколько влезет, только бы не платить, — приказано после месяца правежа взыскивать долги на имении ответчика.

Вместо имен в это время употреблялись прозвища. Даже в деловых бумагах человек назывался не христиански

своим именем, а „по уличному“ прозвищу: — Козел, Злоба, Паук, Роспута и т. д.

В неустанных заботах о благо верноподанных, царское правительство наумило усилить свои доходы продажей водки. Сивуха, точь-в-точь так же, как впоследствии при Витте, объявляется отныне государственной монополией. Приказано везде строить кабаки и курить вино.

Но, как и при Витте, это средство пользы не принесло. Усугубив в потреблении водки и давая тем кажущийся и временный доход государству, население, увы, только понижало свою платежеспособность, ибо, пропивая последнюю деньги, разорило хозяйство, так-что это усердие, вместо пользы, приносило государству только вред.

Царь в указах своих горько жалуется, что даже и „собранный денежный казну от разбойного воровства в Москву провести нельзя“.

Денежная скудость дошла до того, что Россия все слова и снова просила о помощи и Швецию, и Англию, и Персию.

Так, именно, просит займы человек, заведомо знающий, что денег ему не дадут. Знает и все же просит. Надо же делать что-нибудь, проявлять свое. Даже когда московские послы отправлялись в чужие страны, они там бедствовали до такой степени, что иноземцы должны были за свой счет содержать их. Московские послы Ушаков и Заборовский, посланные в Голландию с просьбой о посредничестве во примирении русского царя со шведским, были так бедны, что голландцы принуждены были отпустить им на содержание 1000 гульденов. Плохо, очень плохо было с валютой у первого Романова.

Правительство приказывало не давать народу никаких отсрочек, „деньги и запасы править нещадно“. Воеводы, собирая посадских и волостных людей, били их на правее — утра до вечера. Избитых и голодных отправляли на ночь в тюрьмы, а с утра снова начинали правее и очень многих, — говорит летописец, — забивали до смерти. Жители разбегались, умирали от холода и голода в лесах. Налоговое искусство дошло до того, что особые налоги взимались даже на реке за водою со скотины и за стирку белья.

Уже царствование первого Романова ознаменовано крупными беспорядками и восстаниями.

Восстания и бунты вспыхивают в самых различных концах страны. В Казани бунт против Михаила подымает некий Илканор Шульгин. В Белозерске посадские люди не дают собирать податей, и когда воеводы, по обычаю, ставят их „на правеж“, т. е. приступают к длительной ежедневной процедуре всенародного избивения несправедливых владельцев палками, — бьют в набат и всей толпой идут к воеводам и сборщикам. В Чердыни жители так же не желают платить налогов, и смертным боем бьют приехавшего царем князя Шаховского. В Осташиковском уезде подымает восстание Захарий Заруцкий. В Ржеве действует с большим отрядом разбойник полковник Ясько. Среди шайк казаков между атаманами того времени, типа „батьки Махно“, отличается некий Баловель. Его шайка не дает правительственным сборщикам собирать налогов и хлебных запасов. Главной забавой „батьки Махно“ того времени считался манера „насыпать порох людям в уши, в рот и т. д. и поджигать“.

В Вологде булствует какой-то „сибирский царевич Араслан“, который, грабя жителей, в качестве забавы занимается тем, что вошлет всех вверх ногами. Разбойничьи стаи покрывают, как-будто, всю Русскую землю. С разбойничьими шайками следует в их постоянных переходах огромный табор, толпа жен. Эти поджигательно-грабительные стаи жителей добрые молодцы имеют склонность к семейной жизни. Чуть ли не главным из восстаний того времени является бунт Лисовского. У него под началом тысячи людей, и напрасно преследует его князь Новгородский. Лисовский неутомим. Его шайка появится в одном городе, разграбит, сожжет, перекалечит людей, и нечаянно, чтобы появиться в совершенно ином и далеком месте. Ратные люди, пришедшие для защиты жителей, находят только пепелище да обезображенные трупы. Лисовский еще только что был под Орлом и вот он уже в Калуге, в Смоленске, в Угличе, в Туле. По пути Лисовский и его „лисовичики“ бросают утомленных лошадей, отнимают у населения сво-

хат, и стремятся все дальше и дальше, истребляя на своем пути все, что ни попадется.

Со всех сторон к царю обращаются служилые люди с представлениями о том, что они - мол кровь свою за Московское государство проливали, а между тем, доходов никаких не имеют. Они просят денег, хлеба, сукоп, рассчитывают все почему-то, именно, на „академический“ и „совнаркомский“ пакт того времени, требуют мануфактуры и совершенно определенно заявляют, что, если им царского жалования денежного и хлебного не будет, то они станут грабить, воровать, убивать проезжих по дорогам и никакой возможности унять их не будет. Царю же хуже будет.

Со своей стороны, царь при помощи земского собора отписывается грамотами, где убеждает платить подати и всякие доходы в казну, а также умоляет всей людей в городах и монастырях давать казне займы „кто что может: денег, хлеба, сукоп и всяких запасов“.

Царские грамоты на эту тему написаны „со слезой“. Вот-де в прошлые годы пожалели дать ратным людям денег на жалование и через то потерпели страшное разорение от смуты, от поляков, и шведов. Лучше платите. Вам же хуже будет.

Когда Михаил, вместе с возвращенным из Польши Филаретом, взялись за дела государственные, и послали по областям „дозорщиков“ и писцов для переписи жителей и заведений „писцовых книг“, — сразу же выяснилось, что сами-то люди русские ничего для спасения родной земли не делают, и делать не собираются. Граждан не оказалось. Оставшиеся в живых обыватели, — рассказывают летописцы, — во множестве ушли из своих городов и сел. Многие скрывались в лесах, другие прятались от платежа податей у родных и знакомых, иные даже и вовсе „закладывались“ и закрепощались, приписываясь в зависимость к боярам и монастырям, чтобы этим путем навсегда избавиться от платежа податей.

Какое было население, таковы же оказались и воеводы. Особым указом царь Михаил объявил, что „воеводам и приказным людям строго-настрого запрещается брать взятки,

а тяглым людям запрещено оные взятки давать". Какие результаты принес этот, запрещающий взятки указ, ведомо всем русским людям от 1-го Романова и по сей день включительно.

— Когда квартирная хозяйка сдает комнату новому жильцу — говорит английский философ, Вильям Джемс, — она интересуется средствами жильца, его характером, его привычками. Но всего важнее, даже с практической точки зрения, было бы для нее выяснить мировоззрение жильца, его философию.

Попробуем поверить Вильяму Джемсу, постараемся отыскать, выяснить мировоззрение царя Михаила, самые основы его, хотя бы и примитивной, философии.

32 года прошло от того момента, когда взшел на престол неграмотным 16-ти-летним мальчиком этот дебелий, простоватый человек. 32 года просидел он на троне, владея огромной, неограниченной властью. Он рубил головы боярам, но без чрезмерности, действовал кнутом и батогами, но без сладострастия. Он царствовал, но никакой любви особого вкуса к власти так и не проявил.

Была ли у него хоть какая-нибудь идеология, пусть нищенская, убогая... Но какое-нибудь определенное отношение к миру и жизни?

Перед нами, раньше всего, византиец. Царь Михаил не только не любит, но и искренне презирает всех иностранцев, „еретиков поганых“.

Ко всем иноземцам он относился с презрением, впрочем, в те времена на Руси обычным и всеобщим. Недаром царь, как мы видели, когда, принимая послов, допускал их к руке, то считал необходимым немедленно же обмывать руку, чтобы смыть с нее оскверняющее прикосновение еретика.

Верит он только церкви, вернее, ее представителям, священникам. Священники того времени — люди темные, в большинстве заучившие „с голоса“ церковную службу, не умеющие весьма часто ни читать, ни писать. По словам „выходца - сербенина“ Юрия Крижанича, в священники было легко проникнуть кому-угодно за деньги; „за пеньки посвящают свилопасов и мясников, за пейлзы отпускают грехи

без исповеди и покаяния. Всякие святые они обращают в товар". Но для Михаила представители церкви непогрешимы. Как и они, царь убежден, что земля Русская должна быть обращена в какой-то огромный безмолвный монастырь: „песен не петь (даже на свадьбах), на игорщице по вечерам не сходиться, не плясать, руками не плескать, сказок не сказывать, празднословием не заниматься, в бабки не играть“.

Русское благочестие почитало преступлением учиться наукам, искусствам или чужеземным языкам. На это смотрели, как на колдовство и навождение дьявола.

Предназначен, образом одно огромное, сильное „цельза“ V. Это главный принцип, главный девиз царя Михаила. Это его единственный пафос, это его я.

Все время своего царствования Михаил Феодорович настойчиво и упорно борется со всякими проявлениями живой жизни. Вот появились-было на Руси скоморохи, увеселяющие публику „веселыми, складными рассказами, музыкой“. Михаил немедленно всеми силами бросается против этого „бесовского потешения“, против „позоров бесовских“. Правительство приказывает повсюду бить батогами не только самих скоморохов, но и соучастников преступления — зрителей, а инструменты скоморошьи предать „завету жечь“. Воспрещаются музыкальные инструменты и вообще в частных домах. В одну из областей такого рода, — рассказывает Костомаров, — удалось, например, потребить пять возов музыкальных инструментов!

Еще греховнее в глазах Михаила пляска, особенно женская: „О, злое проклятое плясанье, о лукавые жены с плясаниями многовертными. Но зрите плясания и иных бесовских престестей супруг адских, любовниц сатаниных“.

Еще суровее отношение к табаку, за курение которого обычное отрезание носа казалось мерой не достаточно суровой: „Который человек начнет держать бесовскую и богоненавистную табакку, то в того человека мозг ускрутит и впадет в главу его вместо того мозгатая смердящая воля и начнет пребывать и во главе его, и во всех костях его“.

Пляска — „вогам скаканио, хребтам вихлянио“ — это забава бесовская, пение — забава бесовская. Наука — тоже искусство бесовское.

Так вот и жил, так и умер этот туповатый, бить может, своему и добродушный, унылый человек.

Как ни старались знахари и ворожеи, но здоровье цари становилось все хуже. Все мучительное одышка, все вылезло отеки ног.

Ворожеи и колдуны занимают почетное место при дворе того времени.

Когда в 1688 году возникло дело о порче царицы Евдокии, царь распорядился выписать колдуний, известных в то время чаровниц, женок Машку Козлиху и Настьку Черниговку.

Даже в подкрестных записях на верность царю верноподанный присягал между прочим: „Ведомством по поводу никакого лиха не пасылать и следу не вынимати“.

Но бессильными оказываются и колдуны, и ворожеи. Все очевидное становится, что даже и цари смертны. Умер с 1644 года, с 50 года своей жизни, Михаил не выходит по болезни из своих постелей. У царя водяника. Врачи уверяют, что недуг сей приключился „от многого ситения, голодного ивтия и меланхолии, спрочь кручин“. 12-го января 1645 года царю, во время заутрени, в самый день его именин, сделалось дурно, его принесли в царские хоромы.

Увы, и цари смертны. В третьем часу ночи перестал Романов, его царское величество, Михаил Романов, подем Божию помре.

По всем правилам того времени Михаил не только облакся перед смертью в монашескую одежду, но еще и принял схиму.

Все готово, все сделано, можно умирать спокойно!

На покойника надевают царское одеяние, на голову ему возлагают корону, в рот ему кладут несколько медных монет (издержки в дальней дороге). Но еще не все. Рядом мертвому священник вкладывает отпустительную грамоту, которую иностранцы в своих мемуарах называют „рекомендательным письмом к св. Николаю“.

Тело государя шесть недель должно простоять в домово́й церкви. Крестомы́ дьяки де́нно и но́чно чита́ют над ним псалты́рь, одна́ смена бояр и сокольничьих сменяет другую на де́журство. Все́ изнимога́ют от нево́роятного запаха тле́ния, по́ правило о шести́ неделях соблюда́ется свято. Миха́ил име́л право умереть спо́койно. Де́ло его́ жизни, созда́ние дина́стии Рома́новых, сохра́нится на мно́го лет, отпра́вит це́лые ве́ка жизни Росси́и.

Через 300 лет, в дни́ празднова́ния ю́билея До́ма Рома́новых, среди́ много́различных де́путаций, явившихся при́ветствовать самоде́ржда, к Никола́ю II прибли́зилась де́путация от кре́стьян. Стоя́вший возле́ ца́ря изве́стный своим́ работами́ по ру́сской исто́рии вели́кий князь Никола́й Миха́йлович о до́бродушной улы́бкой сказа́л самоде́ржцу:

— Не́ дума́ешь ли ты, что́ 300 лет то́му наза́д они́, кре́стьяне ру́сские, бы́ли то́чь-в-то́чь та́кими же, как и се́йчас?

Никола́й II не отве́тил. Что́ он дума́л по это́му пово́ду, та́к и оста́лось неизве́стным.